

Научная статья

УДК 504.06(091)"18/19"(571.122)

<https://doi.org/10.35266/2949-3463-2026-1-4>

Практики природопользования в Кондинском крае в конце XIX – первой трети XX века: экология и идеология

Евгений Ильич Гололобов

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия

Аннотация. Исследование направлено на расширение и углубление имеющихся знаний по истории освоения природных ресурсов Югры с акцентом на локальные природопользовательские практики Кондинского края. Конец XIX – первая треть XX в. – это время больших перемен в жизни общества, которое в начале периода было российским, а с 1920-х гг. стало советским. Эти процессы в полной мере коснулись территории Конды. Цель статьи заключается в анализе практик природопользования в локальном преломлении на примере Кондинского края в конце XIX – первой трети XX в. Важно показать, как на данной территории сталкивались и взаимодействовали разные практики освоения природы. Как у населения Конды соотносились, уживались и конфликтовали новые, прогрессивные формы взаимодействия с внешней средой и традиционные, местные, доиндустриальные.

Исследовательский инструментарий включает в себя источниковедческий анализ, применение методов источниковедческой эвристики. В статье рассматривается комплекс письменных источников: делопроизводственная документация государственных органов власти, хозяйственных органов и общественных организаций, статистика, периодическая печать и публикации исследователей XIX – начала XX в., изучавших регион.

Практика природопользования, где основа хозяйства – биологические ресурсы, а главный создатель материальных благ – коренные народы Севера, в интересах советской власти в 1920–1930-е гг. не сработала. Новой власти нужен был человек – преобразователь природы, ее покоритель. Делается вывод о том, что современный подход к использованию ресурсов Российского Севера должен учитывать как позитивный, так и негативный советский опыт освоения региона. Экология должна определять идеологию освоения Севера, а не наоборот.

Ключевые слова: Кондинский край, практики природопользования, экологическая история Севера, взаимодействие человека и природы, экологическое сознание

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Гололобов Е. И. Практики природопользования в Кондинском крае в конце XIX – первой трети XX века: экология и идеология // Северный регион: наука, образование, культура. 2026. Т. 27, № 1. С. 43–52. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2026-1-4>.

Original article

Environmental management practices in Kondinsky Krai in the late 19th and the first third of the 20th century: Ecology and ideology

Evgeny I. Gololobov

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia

Abstract. The research improves and broadens existing knowledge on the history of natural resource management in Yugra, focusing on the local practices of the Kondinsky Krai. The period from the late 19th to the first third of the 20th centuries was a time of great change in the life of society that witnessed the Russian-Soviet transition in the 1920s. The shift also affected the Konda area. The aim of the article is to analyze local practices of natural resources utilization using the Kondinsky Krai in the late 19th and the first third

of the 20th centuries as a case study. The work demonstrates the interaction, specifically the clash, of different environmental management patterns in this territory. Moreover, the author examines the Konda population's relations, encompassing harmonious coexistence and conflict, with new, progressive forms of interaction with the external environment and traditional, local, pre-industrial ones.

The methodology includes the source study heuristics and analysis. The paper considers the following written materials: records of government, economic, and public bodies, statistics, periodicals, as well as researchers' publications on regional studies in the 19th and early 20th centuries.

In the 1920s and 1930s, Soviet natural management practices failed to become the main resource use pattern for the Konda area, environmental management of which was based on biological resources and the idea of northern indigenous peoples as primary creators of material goods. The new government needed a man who would transform nature, conquer it. Modern approaches to natural resources use in the North of Russia must incorporate the entire Soviet experience of regional development. Ecology should determine the ideology of Northern territory development, and not vice versa.

Keywords: Kondinsky Krai, environmental management practices, ecological history of the North, interaction between man and nature, ecological consciousness

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Gololobov E. I. Environmental management practices in Kondinsky Krai in the late 19th and the first third of the 20th century: Ecology and ideology. *Severnny region: nauka, obrazovanie, kultura*. 2026;27(1):43–52. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2026-1-4>.

ВВЕДЕНИЕ

В современном российском обществе наблюдается рост общественного интереса к региональной и локальной (местной) истории. История Югры в этом отношении не исключение [1]. Наукометрический анализ публикаций российских и зарубежных ученых позволяет утверждать, что изучение локальных аспектов природопользования на Севере в переходные социально-экономические периоды с привязкой к конкретным территориям – актуальная исследовательская задача [2–5].

Исследование направлено на расширение и углубление имеющихся знаний по истории освоения природных ресурсов Югры с акцентом на локальные природопользовательские практики. В этом отношении большой интерес вызывает территория Кондинского края, где использовались различные практики природопользования. Конец XIX – первая треть XX в. – это время больших перемен в жизни общества, которое в начале периода было российским, а с 1920-х гг. стало советским. Эти процессы в полной мере коснулись Кондинского края. Шел интенсивный поиск путей развития северных территорий, велико было стремление раскрыть потенциальные возможности региона, опираясь на научно обоснованное комплексное использование его ресурсов.

Цель статьи заключается в анализе практик природопользования в локальном преломлении на примере Кондинского края в конце XIX – первой трети XX в. Важно на конкретных примерах показать, как на Севере Сибири на протяжении XIX–XX вв. сталкивались и взаимодействовали разные практики освоения природы. Как соотносились, уживались и конфликтовали новые, прогрессивные формы обращения к внешней среде и традиционные, местные, доиндустриальные у населения Конды. Этот опыт важен и необходим для освоения северных территорий в наше время, для формирования экологического сознания современных северян. Знание локального исторического контекста поможет будущим специалистам глубже понимать и более эффективно решать экологические проблемы регионов. Продвигать и осуществлять политические, общественно значимые экологические инициативы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследовательский инструментарий включает в себя источниковедческий анализ, применение методов источниковедческой эвристики. В статье рассматривается комплекс письменных источников: делопроизводственная документация государственных органов

власти, хозяйственных органов и общественных организаций, статистика, периодическая печать и публикации исследователей XIX – начала XX в., изучавших регион [6–12]. Взаимодействие человека и природы рассматривается в рамках методологического инструментария экологической истории. В ходе изучения экологической истории накоплен важный опыт постановки исследовательских задач и поиска ответов на вопросы, касающиеся взаимосвязи между политическими решениями и развитием среды обитания человека. Ресурсы рассматриваются как природные объекты, которые обладают определенными ценностями – экономическими, культурными, геополитическими, символическими. Субъекты (акторы) приписывают им эти ценности. Станет ли природный объект ресурсом, зависит от возможностей технологии, культурных предпочтений и социальных структур. Методологический инструментарий экологической истории дает возможность осмыслить советский опыт как «пригодное к использованию прошлое» (usable past), то есть такое знание и понимание прошлого, которое имеет практическое значение для решения современных проблем.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Практики природопользования населения Конды зависели от природно-географических условий региона. Современники в конце XIX – начале XX в. так описывали природу Кондинского края. «Площадь Конды состоит из лесов, озер и болот, среди которых встречаются участки материковой почвы в виде отдельных островов. Правый береговой кряж р. Конды по мере удаления от устья на юго-запад становится выше, богаче лесом, живописнее. Материковая почва – супесок. Удобрение его навозом, как показывают опыты с хлебопашеством, дают хороший урожай. Урманы богаты лесом: елью, пихтой, кедром, местами лиственницей. А главное – сосной. Лес в Конде – это основное ее естественное богатство как само по себе, так и по тому, что в нем водятся: медведи, лоси, олени, выдры, соболи, лисицы, горностаи. Очень жаль, что этот пре-

красный лес в местах доступных истребляется без жалости и пощады, а главное неразумно: непроходимый валежник из вековых сосен и даже кедра поражает вас на каждом шагу. Лесные пожары от неосторожного обращения с огнем, и пожары, устраиваемые специально с целью выжигания боров для хорошего урожая ягоды, истребили уже массу кедрового и прочего строевого леса» [10, с. 194].

Обширная равнина, по которой течет Конда, усеяна озерами. Параллельно реке попадают гряды с лиственным, иногда и с хвойным лесом. «На много верст тянутся боры с громадными соснами, голыми обрывами песка и ковром брусничника» [11, с. 242]. Важной частью экосистемы региона всегда были обширные затопляемые территории в период разлива рек – соры. В пределах Меньше-Кондинской волости – Кондинский сор длиной более 70, шириной около 5 км; Мамкин – длиной более 10, шириной 5 км; Туман – длиной более 70, шириной более 10 км с 7 перешейками [10, с. 195].

Река Конда впадает нешироким устьем в старицу Иртыша ниже села Реполовского на расстоянии более 16 км. Устье тянется около трех километров и переходит в большой Кондинский сор, мелководный, с массой гольцов, беспокойный в разлив при небольших верховых ветрах и высыхающий к осени. Вода спокойна в тихую погоду, и двухметровые волны встают как горы при малейшем ветре. Сор тянется свыше 80 км (по другим данным – более 100 км).

Сильная заболоченность территории Севера Западной Сибири вообще и Кондинского края в частности производила сильное впечатление на современников и неизменно становилась обязательной частью географического описания территории. «Из краткого обозрения речной системы, охватывающей Тобольскую губернию, можно видеть, что лишь немногие реки западных частей ее берут начало в горах или вытекают из озер – огромное большинство рек берет начало в болотах, к которым должен быть отнесен весьма значительный % всей поверхности Тобольской губернии. Болота иногда тянутся на тысячи

верст, переходя одно в другое и к западу, и к востоку от главных рек губернии – Оби и Иртыша. Так, Васюганские болота, находящиеся в восточной части губернии и начинающиеся еще за ее границей в губернии Томской, тянутся затем через округ Тарский, переходя в Тобольский, затем в южную часть Сургутского, где, наконец, сливаются с тундрами, которые теряются в далеких пустынях севера. Такие же, по-видимому, бесконечные болота находятся к западу от Оби и Иртыша. От самых границ Пермской губернии идут болота через Туринский округ, раскинувшись по реке Конде и ее притокам, а затем переходя в тундры Березовского округа, переходящие в свою очередь в тундры севера, тянущиеся до самых берегов Ледовитого океана и простирающиеся на полуостров Ямал» [7, с. 10–11].

Таким образом, суровый климат, многоводность и мощные весенние паводки, обширные, заболоченные, труднопроходимые пространства в тайге, сезонная доступность промысловых ресурсов являются теми природно-географическими факторами, которые издавна определяли хозяйственную деятельность населения Кондинского края.

На рубеже XIX – начала XX в. население нижней Конды занималось традиционными для северных территорий промыслами. Важнейшую роль играло рыболовство, затем сбор брусники, на третьем месте стоял охотничий промысел. Рыболовство было главным богатством хантов низовий Конды. Воды Кондинского края были богаты рыбой, которая, по свидетельствам современников, отличалась своим нежным вкусом, славилась под названием «кондинская» [9, с. 229]. Также в реках добывался ерш, чебак, окунь, щука. В Конде и по ее курьям – нельма, налим, язь и др., в озерах – караси, в Согымских сорах – сырок. По словам В. Н. Пигнатти, «Черной рыбы на Конде избыток; простой удочкой, с самодельным крючком из проволоки, с гвоздем вместо грузила, коротеньком удилице остячка легко в час «натаскает» ведро окуней» [11, с. 240].

На Конде и ее притоках для ловли рыбы активно использовали запоры и неводы. Большая часть рыбы, добытая тем или иным спо-

собом, не засаливалась, а помещалась в «сад», который представлял собой в большинстве случаев отгороженный залив реки [12, с. 254]. Такой способ хранения рыбы был весьма примитивным, но он давал возможность сохранить улов до заморозков и зимой отправить его на продажу. Если наступала оттепель, сохранение улова превращалось в большую проблему. В этом случае рыба быстро портилась, и решить данную проблему традиционные хозяйства не могли.

Важную роль в хозяйстве населения Нижней Конды играл охотничий промысел. Основными его объектами были копытные: олень и лось. Добывали также водоплавающих птиц. Например, массово охотились на уток. В неволе содержали маленьких лисят до того момента, когда у них появлялась зимняя шкура. Потом их убивали.

Ханты практически не держали кур, свиней, овец. В первую очередь из-за того, что большое количество собак, свободно передвигающихся по населенным пунктам, нападали и травили домашний скот: «...как только выпустишь из ограды – поминай как звали: собаки придушат. Вот уж не счесть собак у них, действительно нечего сказать: почти у каждого полдюжины... Сам не доест, а собаку накормит, ведь половину хлеба, что им выдают из магазина, идет на собак...» [10, с. 214].

У хантов Меньше-Кондинской волости земли были поделены между отдельными селениями. Владение сенокосами было подворное, остальными угодьями – общинное. Русские в Меньше-Кондинской волости жили на правах арендаторов и платили полный годовой арендный пай, состоящий в праве пользования, наравне с владельцами земли, сенокосными и рыболовными, охотничьими и ягодными угодьями. При этом арендаторы не имели права в одиночку, без владельцев земли осуществлять промысел, за исключением сенокосения. Несмотря на то что русское население региона проживало здесь десятки лет, оно так и не получило право бесплатного пользования угодьями. Русское население было недовольно таким положением дел. В. Н. Пигнатти сообщал, что во время его поездки по Конде к нему

тайком приходили русские советоваться об избавлении от аренды, а то «под русским царем живем, а остяку дань платим» [11, с. 244].

Хлебопашеством, то есть земледелием, на данной территории занимались в незначительном количестве, но выращивали овощи: картофель, репу, лук, капусту и огурцы. Последние в незначительном количестве. Овощи вызревали. Выращивание зерновых имело место в верховьях Конды у с. Леушинского. Образцы овса, ржи и ячменя из этого села были хорошего качества. Хлеб сеяли и в более северных районах, в верховьях р. Северной Сосьвы у Саранпауля. В 90-х гг. XIX в. первые попытки земледелия были предприняты в Болчарах. В целом же в нижнем течении Конды начиная с села Нахранчинского попытки развития земледелия носили эпизодический, единичный характер. В селении Вачкур выращивали рожь. В Богдановских юртах в начале XX в. с успехом сеяли лен. Ханты сопротивлялись развитию земледелия из-за боязни потерять землю. Успешное развитие земледелия на Конде, по их мнению, могло привести к нежелательной колонизации региона русским крестьянским населением. Это в свою очередь могло привести к захвату их земель переселенцами [12, с. 259].

По свидетельству современников на Конде были земли, удобные для хлебопашества. Местные жители, русские крестьяне, отмечали, что удобные земли были у Юмыса, Сотника, в Леушах, Нахрачах, Микулкиных юртах и некоторых других селениях Больше-Кондинской волости. В Меньше-Кондинской волости тоже были селения, вокруг или рядом с которыми можно было завести пашню, например Красноярские юрты. В прессе тех лет писали о том, что единственно надежным способом обеспечения жителей хлебом было введение обязательных общественных запасек и приобретение при содействии правительства семян и земледельческих орудий. Хотя было и другое мнение: «Многочисленные болота, масса сырости, суровость климата, отсутствие удобных земель исключает всякую надежду, по крайней мере на очень долгое время, мечтать о хлебопашестве» [9, с. 238].

На рубеже XIX–XX вв. в прессе писали о том, что необходимо учить детей коренных народов Севера. В число обязательных предметов должно было входить сельское хозяйство и обучение ремеслу, так как отсутствие земледелия связано в том числе и с тем, что коренное население с ним не знакомо. Дети в летнее время приучались бы к земледельческому труду на опытном поле под руководством учителей [9, с. 245]. Промысловое хозяйство коренных жителей Севера изначально рассматривалось как первобытное, дальше отстоящее от цивилизации, чем земледелие. Поэтому цивилизаторская задача по отношению к «инородцам» заключалась в постепенном «приближении их к типу земледельцев» [9, с. 247]. Иначе «течет тихо и серо жизнь в низовьях Конды» [11, с. 245].

На Севере, в том числе и в Кондинском крае, в отличие от европейской России существовали свои специфические формы владения землей. Здесь не было частного и помещичьего землевладения. Отсутствовали характерные для европейской России уравнительные наделы. Жители Кондинского края не покупали и не арендовали землю, а просто выбирали пригодные для ведения своего хозяйства участки, особо не вдаваясь в юридические тонкости. Именно поэтому, например, материалы Приполярной переписи 1926–1927 гг. свидетельствуют о том, что жители района затруднялись ответить о количестве имеющейся у них в распоряжении земли, так как о получении юридических документов, подтверждающих владение земельными угодьями, не заботились [6, Т. 1. Л. 4 об].

Жители нижней Конды в небольшом количестве держали лошадей, коров, изредка овец. Обилие лугов, часть которых не использовалась, способствовало развитию скотоводства. Хантыйское население держало коров и лошадей. В селе Болчары и юртах Летней Пушты также держали овец. Важную роль в хозяйстве региона играл сбор дикоросов, в частности брусники. Кондинская брусника отличалась обилием и отличным качеством. Ягода собиралась в борах. Брусничники нередко тянулись на десятки километров. Чтобы

они не теряли своей продуктивности, через 7–8 лет местное население весной выжигало боры. Через 3 года такой брусничник снова давал богатый урожай [12, с. 227].

Таким образом, для хантов нижней Конды был характерен приречно-таежный промысловый хозяйственно-культурный тип [13, с. 153–156]. Уровень подвижности населения, площадь осваиваемой территории, динамику хозяйственной деятельности определяют природные условия (климат, ландшафт), ресурсы и технологии, доступные для их освоения. В таежной и тундровой зоне сложно жить оседло в полном смысле этого слова. На рубеже XIX–XX вв. ханты нижней Конды считались оседлыми. Их передвижения носили сезонный характер, подчиняясь хозяйственной деятельности. Мобильный образ жизни позволял оптимально взаимодействовать с окружающей средой таежной зоны Западной Сибири. Существенным воздействием на ландшафт было выжигание травы и рытье небольших каналов в устьях рек для установки ловушек на рыбу.

Разнообразные формы временного содержания пойманной рыбы были известны давно. Многие путешественники и исследователи Севера XIX – начала XX в. сообщали о том, как ханты в середине августа, с похолоданием, переносят пойманную неводом рыбу в холщовых мешках в небольшое озеро, в рыбный садок, где с наступлением холодов ее вновь вылавливают неводом и хранят затем в замороженном виде. У кондинских хантов первой половины XX в. фиксировались некоторые формы ухода за рыбными ресурсами своих угодий. По мнению В. Н. Адаева, они были заимствованы у русского населения. Для борьбы с ленточным глистом, паразитирующим на карасе, рыбаки засыпали в озеро соль или конский навоз. С помощью соли боролись и с сорной озерной рыбой – гольяном [14, с. 108].

Традиционная культура жизнеобеспечения, в том числе и система расселения, в значительной степени была детерминирована природными условиями. Условия природной среды таежной зоны определили ключевые характеристики хозяйства коренного населения: ком-

плексность, пространственная мобильность, дисперсное расселение. Для угорского населения таежной зоны был характерен большой акцент на комплексности, в отличие от тундрового населения, где преобладала мобильность [14, с. 206].

Октябрьская революция 1917 г. и гражданская война привели к серьезным социальным и политическим изменениям, к попыткам изменить экономическую основу региона. В 1920–1930-е гг. по-прежнему главным занятием населения района являлось рыболовство. Добывались крупночастиковые и мелкочастиковые породы (щука, язь, окунь, ерш, чебак, карась) рыб. В некоторых озерах по Нижнему течению Конды около деревень Согом и Болчары добывали сырок, но из-за частых заморов его вылов практически прекратился. Налим ловился только в верховьях Конды. Были эпизодические случаи вылова единичных экземпляров нельмы по нижнему течению Конды до Болчар [6, Т. 1. Л. 15].

Северное рыболовство в 1920-е гг. пережило трудные времена. Местные жители однозначно говорили о том, что вылов рыбы сильно сократился по одним населенным пунктам на две трети, по другим – наполовину по сравнению с дореволюционным периодом. Причины назывались различные. Например, частые сильные заморы на Конде, имевшие место в 1920-е гг., в результате которых рыба массово гибла. Но главная причина была в людях. Количество рыбаков увеличилось, нерациональные способы лова продолжали активно использоваться. Рыба массово вылавливалась у живцов во время замора. Устье Конды перегораживалось запорами, препятствовавшими прохождению рыбы в нее из Иртыша [6, Т. 1. Л. 17].

В Кондинском районе в 1920-е гг. отмечалось сокращение выхода пушнины по сравнению с довоенным временем. По отзывам охотников и заготовительных организаций, общая добыча на время Приполярной похозяйственной переписи составляла 1/3 от довоенной. Серьезным образом на пушной промысел повлияло большое наводнение 1924 г., в результате которого погибло большое количество лисиц. «Если раньше очень часто

можно было видеть бегущих лисиц, то теперь редко увидишь их следы» [6, Т. 1. Л. 10]. На фоне ухудшения рыболовного и пушного промыслов, сбор ягод и кедровых орехов являлся весьма существенным подспорьем для местных хозяйств. Собирали в основном бруснику, причем достаточно высокого качества, имевшую хороший сбыт. Сбор кедровых орехов отличался большой неустойчивостью. Годы с хорошей урожайностью ореха были нечасты. В рассматриваемый период таким был 1926 г. [6, Т. 1. Л. 12, 25].

В целом по хозяйственной деятельности район в 1920–1930-е гг. четко делился на два подрайона: Верхне-Кондинский и Нижне-Кондинский. К первому относились Шаимский, Сатыгинский и Леушинский сельсоветы, к Нижне-Кондинскому – Нахрачинский, Карымский, Болчаровский и Красноярский. Менее населенный Верхне-Кондинский подрайон давал 60 % продукции сельского хозяйства, а Нижне-Кондинский – более 88 % продукции ягодного и орехового промыслов [8].

В хозяйственной практике традиционных обществ есть как экофильные, так и экофобные черты. Север Западной Сибири относится к территориям с экстремальными эколого-климатическими условиями. Здесь с особой силой проявляются способности человеческого коллектива к адаптации в любых природных условиях. Так как зоны с богатой экологией и оптимальным климатом имеют широкую норму реализации жизненных потенциалов человека, а зоны экологически жесткие заставляют человека вырабатывать лишь самые оптимальные стратегии жизнеобеспечения, отсекают все варианты избыточного поведения в адаптации к природе. Важно отметить, что экосистема тайги достаточна разнообразна и стабильна. В ней охотник сталкивается с относительно более ровным и широким распределением промысловых ресурсов, возможностью их выбора и замещения. Результатом этого становилось более «охранительное» по отношению к природе поведение таежников, чем, например, кочевников тундры или арктических охотников [14, с. 84–85]. Промысловая этика основана на глубоком

знании среды обитания и может быть по праву отнесена к сфере навыков выживания традиционного общества.

Преобразовательные усилия государства в 1920–1930-е гг. были связаны, в первую очередь, с насаждением в регионе земледелия. Как уже отмечалось, новые власти предприняли попытку изменить экономическую основу региона. И не только. Задача ставилась амбициозно – изменить природу региона, сделать ее благоприятной для развития земледелия. Развитие земледелия сопутствовало общим мероприятиям советской власти по промышленному освоению и росту культуры районов Крайнего Севера. Кондинский район Ханты-Мансийского национального округа стал основным производителем зерновых культур в таежной зоне Западной Сибири. Посевные площади различных культур быстро росли в 1920–1930-е гг. «Советская власть поставила вопрос о выявлении тех условий, при которых возможно развитие земледелия на Севере, и одновременно развернула там огромную работу по землеустройству» [15, с. 8]. В северных районах Западной Сибири была низкая техника земледелия. Специалисты отмечали, что обработка земли несвоевременная и плохая, семена завозные, случайных сортов и происхождения, навозное удобрение плохого качества, в колхозах нет хорошо подготовленных кадров. Леушинская метеорологическая сельхозстанция Кондинского района за 5 лет (1928–1932) получила средний урожай зерна озимой ржи сорта «Вятка» 18,5 и озимой пшеницы 11,7 центнера с гектара, что демонстрировало возможность ведения земледелия на Севере [15, с. 9–10].

В послевоенный период в связи с восстановлением и развитием всех видов транспорта, а также изменением порядка планирования сельского хозяйства посевные площади сократились и земледелие стало перестраиваться на более рациональной основе. В конце 1950-х гг. земледелие приходит в упадок. С 1969 г. перестали сеять зерновые. К 1970 г. площадь пашни составляла 0,2 % от сельскохозяйственных угодий [16, с. 135]. Это свидетельствует о том, что в 1920–1930-е гг.

«осеверение» земледелия было изначально политической, культуртрегерской задачей и лишь потом – научно обоснованной практической необходимостью [17, с. 58].

Активное вмешательство советского государства, начавшееся в конце 1920-х – 1930-е гг. и продолжившееся во второй половине XX века в жизненный уклад коренных народов, их хозяйственную деятельность, совмещенное с активным освоением месторождений нефти в таежной зоне, привело к радикальному изменению традиционного образа жизни. Коренные народы потеряли способность к самообеспечению. Сама система организации промысла, истоки которой были заложены в 1920–1930-е гг., во второй половине XX в. во многом провоцировала варварское отношение к ресурсам. Есть многочисленные свидетельства северян, относящиеся к периоду 1950–1970-х гг., о больших объемах вылова с последующим выбросом рыбной молоди, неподходящей под требуемый стандарт: «Тонну рыбы сдавали, две – в лес». Такая же участь вполне могла ожидать и отборную рыбу: «Бывало позвонят нам на рыбзавод: готовьте рыбу к отправке, вертолет летит. Рыбу подготовим, а вертолета нет – все в лесу высыпает. Медведей прикормили так, что они не уходили. А как по-другому? Не подготовишь рыбу – под суд могли отдать» [14, с. 115–116].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиционные практики природопользования населения Конды в значительной степени были детерминированы природными условиями. Советская власть поставила это под сомнение. Природу попытались отодвинуть на вторые роли, полагаясь на передовую социальную организацию общества и мобили-

зационные методы управления. В 1920–1930-е гг. это сделать не удалось. Северные хозяйства коренных жителей остались, как и прежде, в качестве составляющих природных экологических систем в отличие от сельских хозяйств средней полосы России, где сами экологические системы подверглись изменению. Они не смогли в системе «человек-природа» поставить человека на первое место. Насаждая земледелие на Севере, несмотря на активное стремление радикально преобразовать природу, советская власть с этой задачей не справилась. Не было необходимых технологических возможностей, человеческих, материальных и финансовых ресурсов, чтобы решить такую масштабную задачу. Как только проще стало завозить продовольствие из более южных регионов, зерновое сельское хозяйство перестало быть приоритетом в экономике Севера. Нужна была опора на ресурсы с более мощным преобразовательным, модернизационным потенциалом.

О чем нам говорит опыт хозяйственного освоения Кондинского края в конце XIX – первой трети XX века? Практики природопользования должны включать человека не только как сугубо экономическую единицу, производящую материальные блага, но и как природопользователя, для которого природа – значительная часть его самого. Современные подходы освоения Севера должны учитывать региональную специфику разных территорий и давать возможность обществу, профессиональным сообществам влиять на принятие решений в этой сфере. Экология должна определять идеологию освоения Севера, а не наоборот.

Список источников

1. Академическая история Югры: в 8 т. / под общ. ред. Р. Г. Пихоя. Ханты-Мансийск : Изд. дом «Новости Югры», 2024. Т. 1. 768 с.
2. Арктика: гуманитарные векторы развития : тезисы Междунар. конф., 15–16 февраля 2022 г., г. Москва / под ред. С. Г. Ваняшкин, Е. В. Воробьева. М. : Московский государственный лингвистический университет, 2022. 212 с.
3. More than 'Nature': Research on infrastructure and settlements in the North / Friedrich D., Hirn-

References

1. Pikhoya R. G., ed. *Akademicheskaya istoriya Yugry*. In 8 vols. *Drevnyaya Yugra s nachala zaseleniya do kontsa I tysyacheletiya n. e. Khanty-Mansiysk*: Publishing House "Novosti Yugry"; 2024. Vol. 1. 768 p. (In Russ.).
2. Vanyashkin S. G., Vorobeva E. V., eds. In: *Proceedings of the International Conference "Arktika: Gumanitarnye vektory razvitiya"*, February 15–16, 2022, Moscow. Moscow: Moscow State Linguistic University; 2022. 212 p. (In Russ.).

- sperger M., Bauer S., eds. Münster : LIT-Verlag, 2022. 344 p.
4. Humans in the Siberian landscapes. Ethnocultural dynamics and interaction with nature and space / Bocharnikov V. N., Steblyanskaya A. N., eds. Cham : Springer Nature, 2022. 538 p.
 5. Головнёв А. В. Северность России. СПб. : МАЭ РАН, 2022. 450 с.
 6. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 183.
 7. Волости и населенные места 1893 года. Тобольская губерния. СПб. : Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1894. Вып. 10. 111 с.
 8. Районы Уральской области. Схематические характеристики районов и округов, основные статистические показатели, карты районов и округов / сост. В. А. Кондаков, А. И. Баев, Д. В. Пацюк и др. Свердловск : Изд-во Орготдела Уралоблисполкома и Уралстатуправления, 1928. 396 с.
 9. Сибирский листок: 1890–1894 / сост. В. Белобородов, Ю. Мандрика. Тюмень : Изд-во Мандрика, 2003. 592 с.
 10. Шульгин С. Кондинский край (извлечения) // Кондинский край XVI – начала XX в. в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях / под общ. ред. В. И. Байдина. 2-е изд., испр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 192–222.
 11. Пигнатти В. Н. Краткое сообщение о поездке на реку Конду летом 1910 года (извлечение) // Кондинский край XVI – начала XX в. в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях / под общ. ред. В. И. Байдина. 2-е изд., испр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 239–245.
 12. Городков Б. Н. Река Конда (извлечения) // Кондинский край XVI – начала XX в. в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях / под общ. ред. В. И. Байдина. 2-е изд., испр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 245–261.
 13. Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 204 с.
 14. Адаев В. Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень : Вектор Бук, 2007. 240 с.
 15. Скрипов И. В. Поле и огород Обь-Иртышского Севера. Свердловск : Уральское изд-во, 1934. 126 с.
 16. Атлас Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: в 2 т. Природа. Экология. Ханты-Мансийск – М. : ООО НПФ «ТАЛКА-ТДВ», 2004. 152 с.
 17. Гололобов Е. И. «Нет такой земли, которая в умелых бы руках при Советской власти не могла быть повернута на благо человечества»: сельскохозяйственное освоение Кондинского района в 1920–1930-е гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 6. С. 52–59.
 3. Friedrich D., Hirnsperger M., Bauer S., eds. More than ‘Nature’: Research on infrastructure and settlements in the North. Münster: LIT-Verlag; 2022. 344 p.
 4. Bocharnikov V. N., Steblyanskaya A. N., eds. Humans in the Siberian landscapes. Ethnocultural dynamics and interaction with nature and space. Cham: Springer Nature; 2022. 538 p.
 5. Golovnev A. V. Severnost Rossii. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences; 2022. 450 p. (In Russ.).
 6. State Archive of the Smolensk Oblast (GASO). F. R-1812. Op. 2. D. 183. (In Russ.).
 7. Volosti i naseennye mesta 1893 goda. Tobolskaya guberniya. St. Petersburg: Izdanie Tsentralnogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del; 1894. No. 10. 111 p. (In Russ.).
 8. Kondakov V. A., Baev A. I., Patsyuk D. V. et al., comps. Rayony Uralskoy oblasti. Skhematicheskie kharakteristiki rayonov i okrugov, osnovnye statisticheskie pokazateli, karty rayonov i okrugov. Sverdlovsk: Izdanie Orgotdela Uraloblispolkoma i Uralstatupravleniya; 1928. 396 p. (In Russ.).
 9. Beloborodov V., Mandrika Yu., comps. Sibirskiy listok: 1890–1894. Tyumen: Izd-vo Mandrika; 2003. 592 p. (In Russ.).
 10. Shulgin S. Kondinskiy kray (Izvlacheniya). In: Baydin V. I., ed. Kondinskiy kray XVI – nachala XX v. v dokumentakh, opisaniyakh, zapiskakh puteshestvennikov, vospominaniyakh. Rev. 2nd ed. Yekaterinburg: Izd-vo Uralskogo universiteta; 2013. p. 192–222. (In Russ.).
 11. Pignatti V. N. Kratkoe soobshchenie o poezdke na reku Kondu letom 1910 goda (Izvlachenie). In: Baydin V. I., ed. Kondinskiy kray XVI – nachala XX v. v dokumentakh, opisaniyakh, zapiskakh puteshestvennikov, vospominaniyakh. Rev. 2nd ed. Yekaterinburg: Izd-vo Uralskogo universiteta; 2013. p. 239–245. (In Russ.).
 12. Gorodkov B. N. Reka Konda (Izvlachenie). In: Baydin V. I., ed. Kondinskiy kray XVI – nachala XX v. v dokumentakh, opisaniyakh, zapiskakh puteshestvennikov, vospominaniyakh. Rev. 2nd ed. Yekaterinburg: Izd-vo Uralskogo universiteta; 2013. p. 245–261. (In Russ.).
 13. Golovnev A. V. Istoricheskaya tipologiya khozyaystva narodov Severo-Zapadnoy Sibiri. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo universiteta; 1993. 204 p. (In Russ.).
 14. Adaev V. N. Traditsionnaya ekologicheskaya kultura khantov i nentsev. Tyumen: Vektor Buk; 2007. 240 p. (In Russ.).
 15. Skripov I. V. Pole i ogorod Ob-Irtyshskogo Severa. Sverdlovsk: Uralskoe izdatelstvo; 1934. 126 p. (In Russ.).
 16. Atlas Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry. In 2 vols. Priroda. Ekologiya. Khanty-Mansiysk, Moscow: ООО NPF “TALKA-TDV”; 2004. 152 p. (In Russ.).
 17. Gololobov E. I. “There is no such earth which in the right hands at the soviet power could not be turned for the mankind benefit”: Agricultural development of the Kondinsky area in 1920–1930-s. *Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 2018;(6):52–59. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. И. Гололобов – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки ХМАО-Югры, главный научный сотрудник;
<https://orcid.org/0000-0002-4512-2461>,
gololobov.eig@yandex.ru

About the author

E. I. Gololobov – Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Scientist of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Chief Researcher;
<https://orcid.org/0000-0002-4512-2461>,
gololobov.eig@yandex.ru